

На правах рукописи

ТОМИЛЬЦЕВА ДАРЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

ОПЫТ ПРОЩЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11 - СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

**АВТОРЕФЕРАТ
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОСОФСКИХ НАУК**

**ЕКАТЕРИНБУРГ
2010**

**Работа выполнена на кафедре социальной философии ГОУ ВПО
«Уральский государственный университет им. А. М. Горького»**

Научный руководитель: Доктор философских наук, профессор
Керимов Тапдыг Хафизович

Официальные оппоненты: Доктор философских наук, профессор
Вершинин Сергей Евгеньевич

Кандидат философских наук, доцент
Лебедева Галина Викторовна

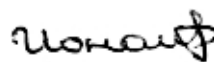
Ведущая организация: ГОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет».

Защита состоится 16 сентября 2010 г. в «13» часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького» (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Автореферат разослан «__» августа 2010 г.

**Ученый секретарь диссертационного совета
доктор философских наук, профессор**

Ионайтис О. Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Данное диссертационное исследование посвящено социально-философскому анализу опыта прощения: раскрываются аспекты функционирования прощения на различных уровнях и этапах социального бытия; исследуются обусловленные социальным контекстом трансформации в осуществлении, понимании и осмыслении прощения; определяются перспективы дальнейшего *использования* прощения в качестве способа восстановления отношений в дифференциальной социальности.

Актуальность темы исследования.

Актуальность социально-философского анализа опыта прощения обусловлена следующим:

Во-первых, начиная со второй половины XX века и, особенно, на рубеже XX и XXI веков прощение оказалось понятием, широко задействованным в практике публичного признания вины: принесения покаяний, выражения соболезнований, принятия ответственности. Этот процесс, в который были вовлечены главы правительств, церквей, представители различных социальных организаций, те или иные общности и даже государства, предстаёт по своей сути весьма неоднозначным. С одной стороны, в эпоху «тотального покаяния» не остаётся невиновных, а, следовательно, и адресатов, тех, кто мог бы простить. С другой стороны, светский, главным образом европейский (секулярнохристианский) концепт прощения оказывается задействованным в тех культурах, для которых не является традиционным, то есть мы можем говорить о «глобализации прощения».

Во-вторых, прощение предстаёт одним из самых неоднозначных способов установления и разграничения человеческого со-бытия на его различных уровнях и этапах, выражаемое через освобождение человека от вины. Но осуществление или дарование прощения становится возможным лишь в той ситуации, когда проступок, за совершение которого прощают, признаётся разрушительным для существующего социального порядка, и принадлежит сфере интолерантного. Следовательно, говоря о прощении, мы всегда обращаемся к опыту социального взаимодействия с негативной инаковостью, к вопросам о снятии или устранении этой инаковости – чрезвычайно важным в современных условиях динамично меняющейся социальности.

В-третьих, возникающая здесь проблема прощения тематизируется как светская, выходит за рамки традиционного единого религиозно-этического основания её разрешения, оказывается раздробленной во множестве различных (светских) подходов. При этом практически отсутствуют теоретико-методологические исследования, направленные на упорядочивание и придание целостности подобному многообразию (подходов).

В-четвёртых, обращение к теме прощения продиктовано изменениями внутри самого философского знания. Произошедший в современном философском и социальном знании переход к постнеклассической рациональности, связанный с возрастанием интереса к осмыслению и описанию дифференциальной социальности, потребовал не только поиска иных теоретико-методологических оснований, но и выбора таких объектов исследования, применительно к которым становится невозможным выделение единого или общего основания, критерия и т.п. Это связано с признанием равноценности и значимости для постижения социальных процессов и человеческого бытия в целом тех социальных практик, которые долгое время оставались на периферии исследования, относились к сферам повседневного взаимодействия людей.

В-пятых, тема прощения является малоизученной в современной российской философии, а между тем, обращение к данной теме становится необходимым и при анализе происходящих в современной России процессов, связанных с формированием коллективной или национальной памяти, проблемами покаяния и искупления, фальсификации истории.

В связи с этим возникает необходимость в социально-философском осмыслении опыта прощения, его теоретико-методологическом обосновании, изучении его влияния в конструировании дифференциальной социальности. Неоднозначность представлений о прощении, отсутствие прояснённых дефиниций и неопределённость свойств делают его социально-философское осмысление чрезвычайно важным и актуальным.

Степень научной разработанности проблемы.

Тема исследования требует осмысления достаточно значительного и разнородного корпуса источников.

В различных отраслях западного философского и социального знания тема прощения представлена достаточно широко. При этом

исследования носят преимущественно междискурсивный характер (Ч. Гриссуолд), что вызывает некоторые трудности для их строгой классификации. Кроме того, примерно до второй половины XX века прощение не существовало в качестве самостоятельного предмета исследования и, в зависимости от контекста рассмотрения, становилось одним из элементов этического (Аристотель, Сенека, Б. Спиноза, И. Кант, Г.Ф. Гегель, Ф. Ницше), религиозного (Ансельм Кентерберийский, С. Кьеркегор) или политического (Т. Гоббс) дискурсов. На наш взгляд, о прощении следует говорить как о трансдискурсивном понятии, не только циркулирующем в междискурсивном пространстве, но и транслирующем различные аспекты дискурсов, не придавая ни одному из них решающего значения.

В настоящее время возможно выделить несколько подходов к прощению, сосредоточенных на тех или иных аспектах его функционирования.

В этическом направлении, старейшем и одном из наиболее авторитетных, следует выделить работы Т. Гувье, Дж. Марфи, Ж. Хэмптон, В. Янкелевича, Р. Г. Апресяна. Исследования данных авторов происходят «на стыке» юридической и этической проблематики, охватывая вместе с тем широкий спектр вопросов о соотношении прощения с нормами морали, несением ответственности за совершённый поступок, мстью, наказанием и т.п.

Политическое направление, представленное работами Х. Арендт, П. Дигесера, Э. Скаапа, М. Филлипса, Ж. Деррида, во многих аспектах пересекается с этическим направлением, однако область изучаемых в нём проблем значительно шире и включает в себя проблемы коллективного прощения, происходящего на уровне социальных институтов или государств. Кроме того, в работах Ж. Деррида была произведена деконструкция понятия прощения, позволившая выделить не только исходные социальные действия, лежащие в основании прощения, но также ряд апорий, производным от которых, фактически, является весь спектр социальных проблем прощения.

«Снятие» апорий прощения становится возможным при утверждении внешнего онтологического основания, на чём сосредоточено религиозное направление (Ф. М. Достоевский, архиепископ Д. Туту, Дж. Милбанк, Д. К. Розо, М. Б. Матуштик).

Важнейшие политические и этические вопросы, включая наиболее болезненные из них, такие как проблема коллективной

памяти, экологии памяти или примирения с прошлым, исследуются в трудах П. Рикёра, Р. Кёрни, М. Хальбвакса, М. Ферретти, С. Е. Вершинина, Л. Д. Гудкова, Г. В. Лебедевой, и сопрягаются с вопросами свидетельствования и репрезентации событий, что нашло своё отражение в трудах Д. Агамбена, П. Леви, Ж. М. Бернштейна, Х. Лёви.

Темпоральное многообразие социальных контекстов повлияло и на характер изучения прощения. Его необходимо рассматривать и как текущий процесс, и как уже свершившееся, «запечатлённое» событие, то есть иметь дело с определённым опытом, понимание которого осуществлялось на основании концепций Ж. Батая, З. Дирек, В. Л. Лехциера, И. А. Ильина, Х.- Г. Гадамера, Л. А. Мясниковой и В. Я. Нагевичене.

Понимание социальности как дифференциальной социальности и поиск адекватной системы понятий, необходимых для её описания, потребовало обращения к работам Т. Х. Керимова, В. Е. Кемерова, Ж. Деррида, Дж. Агамбена, З. Баумана, А. Бадью.

Анализ социально-философской, религиозной, этической, социально-политической литературы показывает, что проблема прощения не обойдена вниманием исследователей. Но следует заметить, что современное российское социальное и философское знание было «не готовым» к происходящей в настоящее время масштабной интеграции прощения в различные области социального знания. Узкодисциплинарные подходы к исследованию прощения оказались недостаточными, поскольку в них охватываются лишь отдельные аспекты прощения, что не позволяет комплексно анализировать процессы непосредственно в форме их протекания. Кроме того, для некоторых дисциплин понятие «прощение» нехарактерно, и они не располагают ни теоретическими, ни методологическими основаниями для проведения исследований в этой области. Решение этой проблемы требует новых теоретических и методологических оснований.

Объект и предмет исследования.

Объектом данного диссертационного исследования являются процессы, конституирующие дифференциальную социальность. Предмет исследования – опыт прощения и его роль в дифференциации и конструировании дифференциальной социальности.

Цели и задачи исследования.

Цель данного диссертационного исследования – социально-философский анализ опыта прощения. В соответствии с поставленной целью, были определены следующие задачи:

- 1) Описать эволюцию в понимании и изучении проблемы прощения в XX веке, её обусловленность социальным контекстом;
- 2) Выявить основные теоретико-методологические подходы к исследованию прощения;
- 3) Провести реконструкцию социальных действий, лежащих в основании современного концепта прощения;
- 4) Изучить социально-конструктивное функционирование прощения;
- 5) Определить социально-дифференцирующее функционирование прощения;
- 6) Представить возможности и перспективы взаимодействия между дифференцирующими актами прощения и «всеобщим» примирением.

Теоретические и методологические основания исследования.

Общее методологическое основание диссертационного исследования – социально-философское – предполагает, что прощение понимается как событие, дифференцирующее и конструирующее социальность.

Деконструкция, как одна из исходных методологических установок работы, позволила не только задать иное теоретическое направление, но и переосмыслить, реконструировать его основополагающие понятия (прощение, дар, искупление, примирение и т.д.). Кроме того, были вскрыты исходные апории прощения и его социально-действенные основания.

Диссертационное исследование было осуществлено в рамках **гетерологического подхода**, где прощение рассматривается как действие, происходящее внутри постоянно меняющихся, не тождественных самим себе общностей, одновременно выступая разделяющим и конструирующим их событием. При этом прощение понимается как гетерогенный элемент, превышающий любые «социальные нормы» своего проявления, как действие, различающее своего субъекта (к примеру, прощение делает нетождественным обиженного и простившего, прощённого и обидчика).

Необходимостью содержательно целостного видения опыта прощения в ракурсах становления и развития его отдельных аспектов было продиктовано обращение к **типологическому подходу**.

Совокупность данных методологических и теоретических оснований определяет специфику диссертационного исследования, позволяет задать прощению социально-философское измерение и раскрыть его в различных ракурсах социального бытия, представляя прощение как событие, конструирующее социальность и открывающее возможность совместного бытия, так и событие дифференцирующее, обеспечивающее прерывность социального процесса.

Поскольку тема прощения оказывается сравнительно новой и не разработанной в отечественной философской традиции, в диссертационном исследовании было задействовано большое количество источников на иностранных языках. Введённая в оборот литература практически неизвестна в нашей стране, но является определяющей для исследования прощения.

Научная новизна исследования.

Впервые в отечественной философии был осуществлён социально-философский анализ опыта прощения. Было конкретизировано понятие прощения и светские основания для его измерения, выявлены действия, определяющие сущность и специфику прощения, а также их взаимосвязь с социальным контекстом.

Положения, выносимые на защиту.

1) В XX веке проблема прощения пережила своеобразную эволюцию, что было обусловлено конкретными историческими событиями и необходимостью разрешения острых социальных вопросов. При этом изменения в понимании прощения можно представить как переход от вопросов восстановления отношений между абстрактными гомогенными сообществами к обеспечению мирного сосуществования и взаимодействия между людьми внутри одного дифференцированного сообщества. Этот процесс подразделяется на три этапа: абстрактный, институциональный и персонифицированный.

2) Теоретико-методологические подходы к исследованию прощения разделяются по типу секуляризации понятия прощения. Каждый тип секуляризации предполагает перемещение понятия прощения в определённое дискурсивное пространство (например, политическое, этическое).

3) Понятие прощения трансдискурсивно, то есть не принадлежит какому-либо определённому дискурсу, выходит за пределы каждого из них, сохраняя их различность по отношению

друг к другу. В то же время понятие прощения преодолевает и междискурсивное пространство, стремясь запечатлеть черты чистого события своего осуществления (не принадлежащего ни одному из дискурсов).

4) Были выявлены нерелигиозные социально-действенные основания прощения (забвение, воздаяние, искупление, дарование), реализующиеся через следующие виды обмена: вещный, действенный, символический. Каждым видом обмена предопределяется то измерение, которое накладывается на прощение различными дискурсами.

5) Прощение было показано событием конструирующим и дифференцирующим социальность. С одной стороны, данным событием отменяется инаковость предшествующего поступка и тем самым этот поступок «вписывается» в границы возможного и повторимого, с другой стороны, каждый акт прощения представляет собой осуществление различающего события, в котором устанавливается нетождественность субъектов прощения, обеспечивается прерывность социального процесса, перестраивается его хронология.

6) Сформирован обобщённый концепт «прощение-примирение», имеющий перспективы использования для восстановления отношений в дифференциальной социальности. В данном концепте наличие множества нетождественных по отношению друг к другу и, тем самым, не доминирующих и разобщённых актов прощения обеспечивается восстановлением отношений на уровне общности, что, в свою очередь, является фактором, конституирующим эту общность.

Научно-практическая значимость работы.

Практическая значимость работы позволяет применять результаты данного исследования:

- При осуществлении исследований прощения и примирения в различных областях социального знания;
- Для разработки и чтения спецкурсов по проблеме прощения;
- Как часть (раздел) базовых курсов социальной философии, политологии, философии политики;
- При разрешении конфликтных ситуаций, построения стратегий или политики примирения.

Апробация исследования.

Основные положения исследования были изложены в ряде статей, а также представлены в качестве докладов на различных

всероссийских и международных конференциях в Екатеринбурге (2007, 2008), Вроцлаве (2007), Москве (2007), Владимире (2008), Ярославле (2008), Магнитогорске (2007, 2010), Великом Новгороде (2008, 2009), Новосибирске (2009).

Структура работы.

Структура работы состоит из двух глав (шести параграфов), введения, заключения и списка литературы. Общий объём работы 161 С.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, раскрывается степень научной разработанности проблемы, формулируются цель и задачи работы, приводятся теоретические и методологические основания исследования, его научная новизна, практическая значимость и апробация.

В **первой главе «Теоретико-методологические основания исследования опыта прощения»** обосновывается необходимость социально-философского рассмотрения опыта прощения; выявляются этапы формирования и изменения социально-философской проблематизации прощения; раскрываются сложившиеся в настоящее время теоретические и методологические подходы к исследованию прощения; производится «реконструкция» социальных действий, на основании которых был сформирован современный концепт прощения.

В **первом параграфе «Эволюция проблемы прощения в философии XX века»** поднимается вопрос о произошедших в философии XX века изменениях в понимании прощения, их взаимосвязи с социальным контекстом; приводятся определения основных понятий диссертационного исследования.

Смысл прощения можно передать следующим образом: в прощении обычно подразумевается 1) освобождение человека от вины (отмена наказания, помилование, дарование свободы) или 2) отказ от вменения ранее принятых обязательств (например, снятие долга). Второй аспект, представленный в качестве стандартной юридической процедуры прощения долга, не вошёл в область рассмотрения данного исследования.

В то же время прощение можно «обнаружить» лишь в актах «освобождения» или «дарования», о которых нельзя с уверенностью сказать, так ли свободны они от расчёта, влияния внешних факторов,

как то предполагает внезапность события прощения. Скорее, всегда идёт речь о некоем акте о-существования прощения, то есть опыте прощения или прощении как опыте. Но и работа с понятием опыта также сопряжена с определёнными трудностями. Следует признать за опытом социально-онтологическое значение, брать данное понятие как единство переживаемого и осмысляемого, испытанного и познанного, открытость будущему и создание истории. Таким образом, исследование опыта прощения означает попытку зафиксировать момент прощения, становление прощения фактом, свершившимся.

Сущность социально-философского анализа опыта прощения заключается в обнаружении и выделении черт прощения или черт, присущих прощению там, где речь идёт об установлении и разграничении человеческого со-бытия на его различных уровнях и этапах, выражаемое через освобождение человека от вины.

Необходимость поиска социального измерения прощения возникла сравнительно недавно. Долгое время проблема прощения (ряд вопросов, связанных с тем кому, кого, и при каких обстоятельствах следует (не)прощать) была ограничена рамками религиозной традиции или устоявшихся моральных норм, где человеку предписывались чёткие ориентиры в «привычных» ситуациях. Кроме того, в структуре социального прощения «располагалось» на уровне межличностных отношений. Осмысление событий, «выходящих за рамки» религиозной традиции или устоявшихся моральных норм потребовало поиска иных теоретических оснований. Во многом это было связано с тем, кто выступает в качестве субъектов прощения и каков уровень (взаимо)отношений между ними.

Эволюцию осмысления проблемы прощения можно представить как переход от абстрактной социальности к дифференциальной и выделить внутри неё основные этапы: абстрактный, институциональный и персонифицированный. Данные этапы выделяются в соответствии с критерием субъекта прощения. Каждый из этапов был обусловлен определёнными историческими событиями, среди которых нам следует выделить: дебаты 60-х годов XX в. о возможности амнистии для некоторых нацистских преступников; публичные покаяния, просьбы о прощении и «новую» политику католической церкви, направленную как на прекращение конфликтов внутри епископств, так и на признание вины и принятие

ответственности за события прошлого; работу южноафриканской комиссии Правды и Примирения.

Начало абстрактного этапа эволюции проблемы прощения приходится на 60-е годы XX в., когда во многих западноевропейских странах обсуждалась возможность амнистии некоторых нацистских преступников. Первый этап был обозначен как «абстрактный», поскольку в проходивших дебатах фактически не затрагивался вопрос о реализации «личного - коллективного» в прощении (В. Янкелевич). В данном случае уместно говорить о своеобразной универсализации «мы» жертв и «они» преступников, состоянии, в котором голос одного мог претендовать на выражение «всеобщности». Кроме того, на этом этапе происходило простое перенесение на коллективный уровень существующей в сфере межличностных отношений идеальной «модели прощения»¹, где вместо индивидов («обидчик», «жертва») выступали абстрактные гомогенные общности «обидчиков» и «жертв»: «немцы», «евреи», «коммунисты», «коллаборационисты» и т. д..

С одной стороны, на данном этапе прощение стало рассматриваться как проблема светская. С другой стороны, именно к этому времени восходят первые действительно масштабные спекуляции прощением на уровне государственной власти.

Обозначение второго этапа эволюции как «институциональный» связано с тем, что в нём прощение перестаёт быть проблемой абстрактных гомогенных общностей, но «сужается» до уровня различных социальных институтов. Постепенное вхождение прощения в политическую практику позволило сосредоточиться на решении сложных социальных вопросов по мере их актуализации. От прощения «межгосударственного», международного, и в большей степени связанного с проблемой выстраивания взаимоотношений Германии с оккупированными ею в ходе Второй мировой войны странами, возникали новые вопросы постколониализма, восстановительного правосудия, а затем и внутригосударственного прощения. Таким образом, проблема прощения становится частью отдельных социально-философских, этических и политических исследований (С. Лэмб, Э. Скаап, Дж. Марфи, Ж. Хэмптон).

В ходе рассмотрения институционального этапа были выявлены как позитивные, так и негативные черты институционального

¹ Идеальную «модель прощения» или, иначе говоря, – классический сценарий прощения – на уровне межличностных отношений можно представить следующим образом: обидчик раскаивается и просит у жертвы прощения, жертва же, принимая покаяние, в зависимости от тяжести совершённого поступка прощает и восстанавливает отношения с обидчиком, или отказывает в просьбе, давая понять, что восстановление отношений невозможно.

использования прощения, а также рассмотрены вопросы исторической преемственности и ответственности в свете восстановления отношений (Ч. Грисуолд, кс. С. Важешак).

Особенностью персонифицированного этапа эволюции проблемы прощения является исчезновение чёткого обоснования различий между актами прощения, совершающимися на публичном уровне, и межличностным прощением, что было показано на примере работы комиссии Правды и Примирения (Т. Гувье, арх. Д. Туту). Фактически, это означало признание множественности субъектов прощения, и невозможность восстановления отношений на коллективном уровне вне соотнесения с личным прощением каждого индивида, что характерно для персонифицированного этапа эволюции проблемы прощения.

В происходящем «смещении» публичной и частной сфер функционирования прощения возник вопрос о том, кто выступает действительным субъектом прощения, и не является ли каждый акт восстановления отношений на межличностном уровне в то же время обусловленным и предзаданным, отвечающим интересам конкретных сообществ. В ходе исследования было показано, что на персонифицированном этапе именно дифференцированные акты прощения оказываются определяющими для всей последующей стратегии внутри или межгосударственного восстановления отношений. Выступать же «от лица» или «от имени» на уровне социальных институтов или больших сообществ оказывается невозможным, поскольку «декларативность» приводит к возникновению новой конфликтной ситуации.

В данном параграфе было показано вхождение понятия прощения в глобальный политический дискурс и порождённое им региональное различие его понимания (Ж. Деррида, Ч. Грисуолд, Э. Скаап). Также было отмечено происходившее в философии обособление концепта «политическое прощение» (П. Дигесер): если Х. Арендт впервые в истории философии задаёт политическое измерение использования прощения, то другие исследователи, например, Ж. Деррида, вообще ставят существование подобного прощения под сомнение, или же как, В. Янкелевич, указывают на его несостоятельность и неприемлемость.

Исследование эволюции проблемы прощения в философии XX века позволяет проследить трансформацию моделей установления или восстановления межличностных и коллективных взаимоотношений через освобождение от вины на различных

социальных уровнях в соответствии с определённым событийным контекстом.

Второй параграф «Теоретико-методологические подходы к исследованию прощения» носит методологический характер и посвящён рассмотрению сложившихся в современной философии основных подходов к исследованию прощения, а также выявлению различий между религиозным и светским пониманием прощения.

Появление понятия прощения как специфического действия, освобождающего человека от вины, принято связывать с традициями «религий Книги». Термин «религии Книги» употребляется как «обобщающий», что позволяет избежать разделения прощения на иудаическое, христианское или исламское; в нём также выделяется одна общая черта: прощающий других людей человек наделяется равной с Богом действенной способностью. Полномочия человека прощать «утверждены» Богом, но ограничены миром людей и не распространяются на «преступления против Бога». Кроме того, готовность прощать нанесённые обиды обеспечивает человеку прощение Богом его собственных прегрешений. В религиозном дискурсе опыт земного прощения всегда предстаёт как опыт проецирования божественного прощения.

Разделение светского и религиозного аспектов понимания прощения проистекало из постепенного «слияния» прощения как нормы религиозного поведения и его правового аспекта. «Светское прощение» ставилось в зависимость от существующих моральных и правовых норм и приобретало соответствующие – этическое и юридическое – измерения.

Произошедшее во второй половине XX в. обращение к светскому прощению было сопряжено с поиском иных теоретико-методологических подходов.

Основные теоретико-методологические подходы к исследованию прощения можно разделить по типу секуляризации, то есть определённому способу извлечения или изъятия понятия прощения (из религиозного контекста). Типизация секуляризации была произведена на основании предложенных М. Филлипсом типов секуляризации: «секуляризм», «секуляризация как разочарование», «секуляризация как транспозиция языка». Данная теория ранее не использовалась для осмысления прощения.

Первый тип, «секуляризм», представляет собой простое исключение религиозного из публичной (политической) сферы. Переход на позиции «секуляризма» позволяет исследователю

очертить «границы дозволенного», то есть те ситуации, в которых прощение как действие оказывается применимым; с другой стороны, акт прощения лишается своих метафизических оснований и превращается в социально-обусловленный поступок. Данным типом секуляризации перед исследователями открывается широкое поле для интерпретации прощения вне устанавливаемых или отменяемых догматических рамок, что позволяет выявить запечатлённый опыт светского понимания и практик прощения, вплетённый в структуру религиозного текста.

Первый анализ прощения, произведённый в рамках секуляризации данного типа принадлежит Х. Арендт. В своём исследовании она фактически открыла универсальную транспозицию прощения из области религиозного в политическое. В то же время, Х. Арендт задала и новый ракурс дисциплинарной принадлежности прощения, перенеся акцент исследования с религиозно-этической в социально-онтологическую проблематику, и придав прощению отчётливый темпоральный характер. Однако наибольшим образом данное исследование повлияло на развитие политической теории примирения и прощения.

Следующий тип секуляризации, или «Секуляризация как разочарование» (секуляризация в кантианском смысле, как говорит о ней Э. Скаап) говорит о разочаровании в современности и характеризуется религиозным упадком и возрастанием рационализации общества. Прощение приводится как нежелательное или препятствующее свершению правосудия и установлению *надлежащих* социальных связей. По этой причине в вопросах восстановления отношений с человеком, совершившим проступок, наказание или иные формы воздаяния/возмездия признаются более приемлемыми и эффективными действиями (Дж. Марфи).

Истоки подобного рассмотрения и отождествления берут начало в кантианской философии. Но и среди исследований прощения, производимых в рамках «кантианского наследия» выделяются два подхода. В первом, который можно также назвать юридическим, прощение (например, акт прощения, совершаемый главой государства) признаётся несправедливым по отношению к жертве и/или потенциальным будущим жертвам. Второй подход проистекает из кантианской религиозной этики, то есть основывается на принятии изначальной доброй природы человека. В применении к прощению это означает, что попросту не существует человека абсолютно недостойного прощения, и в данном случае, зачастую исключаются

ситуации, в которых прощение выступало бы как невозможное и скандальное для общества. Кроме того, секулярное направление данного подхода находит достаточно прочные моральные основания (Т. Гувье). Это последнее направление кантианского подхода легко подпадает под, например, дерридарскую критику, поскольку факт изъятия прощения из религиозного контекста представляет собой не более, чем символический жест. В этом и выражается сущность третьего типа секуляризации «как транспозиции языка религии» (Ж. Деррида, П. Рикёр, М. Яновер).

Данный тип основывается на концепции перенесения теологических понятий в светский язык. Ж. Деррида указывает на существование универсального языка прощения, вне которого помыслить прощение становится невозможно, и который, превращаясь в общемировую норму и практику, переживает глобализацию. Кроме того, глобализацией языка предполагается и своеобразная унификация мышления в соответствии с концептом прощения.

Таким образом, через секуляризацию как «транспозицию языка религии» выявляются «скрытые» аспекты прощения, а также задаётся основание для исследования включённости опыта прощения в текущие социальные процессы.

Рассматриваемые в данном параграфе теоретико-методологические подходы к исследованию прощения свидетельствуют о дискурсивной и дисциплинарной неопределённости понятия прощения. Следует говорить о том, что понятие прощения – трансдискурсивно. В диссертации приводится понятие трансдискурса, отличающееся от предложенного М. Фуко, в котором прощение самим фактом своего существования превращалось бы в «автора» «теории, традиции, дисциплины, внутри которых, в свою очередь, могут разместиться другие книги и другие авторы»¹. Прощение обречено на то, чтобы транслировать различные точки зрения (К. Каратани), тексты, критику и т.п., отсылающие одна к другой, и по этой причине не придавая ни одной из них решающего значения. Важно обратить внимание на тот факт, что эта трансляция имеет свой определённый вектор направленности, выходящий во вне, стремящийся к моменту практического осуществления прощения. Таким образом, мышление прощения как трансдискурсивного понятия позволяет сохранять гетерогенность и взаимовлияние всех

¹ Фуко М. Что такое автор// Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996, – С. 30

возможных дискурсов прощения, включая те, что могут быть вновь заданы событиями его практического осуществления.

Третий параграф «Социально-действенные основания прощения» посвящён исследованию нерелигиозного опыта освобождения человека от вины, повлиявшего на формирование современного концепта прощения.

В диссертации утверждается, что в основании современного концепта прощения можно выделить следующие действия: забвение, воздаяние (месть), искупление и дарование (дарение, дар). Эти действия были реализованы через исторические трансформации типов обмена: вещный, действенный, символический. При этом ни один из указанных типов обмена не является отжившим, и продолжает существовать наряду с прощением.

Вещный обмен представляет собой один из древнейших способов освобождения человека от вины. В нём предполагается, что тело или душа виновного выкупаются за дары или деньги. К этому типу обмена восходит и религиозная традиция «искупления грехов», где термин «искупление» следует понимать как «выкуп» в значении «освобождения из рабства» или «отпущения на свободу» (А. Мень, И. Павлов, В. И. Даль). Таким образом, в исследовании понятия выкупа и искупления использовались как синонимы.

Изначально просьба о выкупе исходила лишь от желающего освободить или вернуть человека, в то время как требование выкупа владельцем (захват в заложники или попросту торговля) так же, как и отказ принять его, представляли поступками недостойными. Каждый «акт выкупа» был своеобразным опытом «проверки» участвующих в нём людей на соответствие «идеальному моральному образцу» благородного поступка благородного человека.

В христианстве об искуплении приходится говорить уже в контексте имеющегося концепта прощения. Параллельное существование прощения и искупления приводит к смешению этих понятий, или полному замещению одного другим, что было рассмотрено на примере концепции искупления Ансельма Кентерберийского. Здесь искупление начинает приобретать метафизический характер (вина-грех), однако более в аспекте взаимоотношения человека с Богом, тогда как отношения между людьми продолжают регулироваться через вещный обмен.

Обращение к «библейской традиции» позволяет проследить и иные формы выкупа или искупления. Искупление здесь уже несёт определённую правовую нагрузку, а значит, освобождение в нём

предстаёт опытом действия в соответствии с законом. Но основополагающим смыслом искупления в данном случае принято считать тот, в котором освобождённый человек становится моральным (но не финансовым) должником искупившего (А. Мень, И. Павлов).

Для формирования концепта прощения эта новая, метафизическая зависимость, оказалась определяющей. Она позволила представить символическое (а не физическое) освобождение, которое также может быть односторонним. Если в случае выкупа речь шла о переходе от одного владельца к другому (тому, кто заплатил), то здесь один и тот же человек начинал исполнять роль и владельца, и искупителя, а зависимость «выкупленного» от искупившего становилась исключительно метафизической.

В опыте прощения прослеживается именно такой род зависимости, но зависимость (в идеале) рассеивается непосредственно в момент освобождения. Подтверждение этому мы можем найти, обратившись к русскому значению слова «прощение», где смысл освобождения запечатлён в самом корне «прост». Метафизической зависимостью «выкупаемого» от искупившего предполагаются нематериальные способы освобождения от вины (снятия морального долга).

Действенный обмен заключается в «обмене поступками», который может быть представлен в двух аспектах. В негативном аспекте «освобождение от вины» происходит путём одностороннего демонстративного воздержания обиженного от ответного действия, то есть наказания или преследования, выражающегося через игнорирование, «забывание», забвение. В данном обмене из опыта взаимоотношений между людьми исключается сам факт обиды, или же, в иных случаях, прекращаются любые отношения между ними. Негативный аспект действенного обмена был рассмотрен на основании стоической традиции «незамечания обид» и «ницшеанского прощения».

Позитивный аспект действенного обмена предполагает, что обиженный освобождает обидчика от вины в обмен на готовность и согласие последнего устранять негативные последствия своего проступка, то есть в данном обмене речь идёт о восстановлении или установлении отношений между прощающим и простившим.

Символический обмен, или собственно прощение, чаще всего в качестве внешнего выражения имеет лишь словесное принесение

вины, которое обменивается на «освобождающее» (от вины, ответственности) слово «прощаю». Однако акт прощения может и не иметь внешнего словесного выражения, и быть представленным через определённые поступки, совершаемые прощающим по отношению к своему (бывшему) обидчику. При этом освобождение от вины может быть как обусловленным (например, освобождение только в обмен на покаяние), так и безусловным, являя собой «чистое прощение» (прощение в обмен на ничто), различающее событие, подобное абсолютному дару. «Чистое прощение» – это скорее «идеальное» прощение, превышающее способность человека устанавливать отношения с другим, с прощаемым, с обидчиком исключительно ради него самого, оно не может быть опредмеченным, или выраженным в конкретном действии, это символический обмен символических (же) отношений между людьми.

«Обмен на ничто» звучит весьма условно, поскольку такой «обмен» всегда означает отдачу, опыт балансирования между опасностью быть вовлечённым в цепочку чрезмерности обмена и радикальным абсолютным отсвоением. Таким образом, возможности и способности человека прощать оказываются превышенными, а опыт прощения – опытом чрезмерности.

Каждое выявленное социальное действие, лежащее в основании современного концепта прощения фактически предопределяет то измерение, которое накладывается на него различными дискурсами, условно мы можем разделить их следующим образом: забвение и воздаяние (мечь) соответствуют историческому, правовому и психоаналитическому, искупление – экономическому, дарование – (вне)этическому. Это важно учитывать в ситуациях, связанных с отпущением вины или снятием долга: в зависимости от социального контекста, прощение будет пониматься по-разному, и отвечать всегда определённым ожиданиям, возлагаемым на него.

Вторая глава диссертации «Опыт прощения на различных уровнях социального бытия» посвящена исследованию того, каким образом через прощение осуществляется переход от уровня межличностных взаимоотношений к коллективным (и наоборот), как должен быть представлен акт прощения, чтобы оказывать влияние на построение социального, и существуют ли условия, при которых таковыми свойствами прощение обладать не может.

В данной главе о прощении говорится и в аспекте существующего социального ограничения на его дарование: такое прощение было обозначено как нормативное (в этом случае понятие

«норма» использовалось в отношении совокупности социальных норм, необходимых для реализации акта прощения и осуществления социально-конструктивного функционирования прощения), и в аспекте невозможности установления данных норм (анормативное прощение).

В первом параграфе второй главы **«Социально-конструктивное функционирование прощения»** рассматривается влияние нормативного и анормативного актов прощения на построение социального бытия.

Первый этап исследования посвящён анализу авраамической традиции, на основании которой было сформировано представление о «чистом» или радикальном прощении, и выявлению условий, при которых акт прощения приобретает статус нормативного и социально-допустимого.

Ж. Деррида выделяет два значения термина «авраамическая традиция»: во-первых, общее для всех религий Книги (Иудаизма, Христианства, Ислама) наследие и (неявную) тенденцию к радикализации прощения, преодолению любых предписаний, оговаривающих условия дарования прощения; во-вторых, «способ прощать», присущий Аврааму.

На основании анализа различных интерпретаций и толкований повествования об Аврааме (С. Кьеркегор, Ж. Деррида) делается вывод о том, что для дарования прощения, поступок должен быть явлен (показан, проговорён). Совершившему же требуется осознать свою вину. Это одно из условий нормативности прощения. Но чтобы негативный, разъединяющий смысл проступка был «одинаков» и для совершившего, и для тех, кто мог бы простить, и поступок и последующее за ним прощение должны быть «вписанными» в общепринятую (уголовную, этическую) систему, то есть – засвидетельствованы как приемлемые для восстановления социального порядка.

На втором этапе исследования рассматривался вопрос о свидетельствовании, обеспечивающем не только возможность прощения, но и переход от уровня межличностных отношений к уровню сообществ. Само по себе свидетельствование также можно расценивать как фактор, конституирующий социальность.

О роли свидетеля для осуществления прощения и совершения перехода от межличностного уровня к необходимости коллективного разрешения конфликта говорится уже в Евангелии от Матфея: человек непрощаем по причине того, что не только в присутствии

конкретного человека (обиженного), но и при свидетелях, даже на уровне церкви, не признаёт вменяемой ему вины. Тем самым «непрощаемый» рискует быть исключённым из общины, для которой речь пойдёт также о перестройке жизненного сценария. Обращение к свидетелям призвано подтвердить законность выдвигаемых обвинений.

Для того чтобы создать проект социального, обеспечить возможность судить и прощать, свидетельство должно быть очевидным. Там, где имеется множество свидетелей, или свидетели слишком пристрастны, следует говорить о ситуации с множеством равноценных, но отличных друг от друга взглядов.

Это приводит скорее не к реконструкции, а новому конструированию прошлого исходя из «сейчас» засвидетельствованной хронологии. Данная проблематика приобретает актуальность и в том случае, когда проблематизация прощения, схожая с абстрактным этапом эволюции, становится несостоятельной.

Третий этап исследования сосредоточен на том, как в социально-конструктивном функционировании прощения, не зависимо от того, является оно нормативным или нет, разрешаются вопросы о границах допустимости поступка и сопоставимости прощающего и прощаемого.

Как правило, тот, кто был признан раз и навсегда преступником, исключается из всего дальнейшего социального бытия, по крайней мере, той общности, к которой он принадлежал до совершения проступка, вместе с любым намёком на повторение содеянного. При этом преступление должно являть собой нечто радикально отличное от всего доселе существовавшего (творившегося). В этом случае секретное, незасвидетельствованное прощение приводит к тому, что прощающий оказывается в двойном противопоставлении: и обществу, чьи нормы и безопасность нарушаются (повторно), и преступнику вместе с совершённым им злом. Это означает признание прощающим права на существование инаковости в совершённом поступке, а тем самым «легализацию» своего прощения, кроме того, противопоставление прощения злодеянию также создаёт инаковость.

Прощением устраняется инаковость проступка, произошедшее «вписывается» прощающим в ряд возможного и потенциально воспроизводимого. При этом способность действовать прощающего лишается уникальности, какой бы негативный или позитивный смысл в ней не был заключён.

В данном параграфе делается вывод, что прощение является в полной мере нормативным в том случае, если: 1) прощение, также как и предшествующий ему проступок очевидны (показаны, проговорены); 2) прощение и предшествующий проступок «вписываются» в общепринятую (уголовную, этическую) систему, то есть оказываются засвидетельствованными как приемлемые для восстановления социального порядка; 3) прощающий имеет возможность сопоставления себя с прощаемым, (предполагается, что участвующие в акте прощения стороны изначально находятся в условиях неравенства). Наличием данных условий обеспечивается переход прощения от уровня межличностных отношений к коллективному. В этом случае становится возможным говорить об опыте прощения как о воспроизводимом.

Во втором параграфе второй главы **«Социально-дифференцирующее функционирование прощения»** рассматривается то, каким образом осуществляется социально-дифференцирующее функционирование аномативного и нормативного прощения.

До некоторой степени каждый акт прощения, по своей сущности – социально-дифференцирующий, поскольку в нём проводится различие жертвы и прощающего, прощаемого и преступника.

В данном параграфе утверждается, что акт прощения осуществляется через свободную от любого ограничения или влияния извне власть прощать, благодаря которой обеспечивается прерывность текущего социального процесса и его обновление.

Акт прощения является разрушительным для существующего социального порядка, если относится к поступкам неизвиняемым, то есть таким, к которым невозможно привести обстоятельства, смягчающие вину, не поддающимся объяснению или оправданию. В данном параграфе приводится сравнительное исследование различий в функционировании прощения и извинения. Было показано, что два первых условия нормативности прощения, а именно – очевидность поступка и вписание в общепринятую систему, как нельзя более отвечают всем аспектам извинения. В то время как нарушение данных условий в опыте прощения способствует его спецификации. Более того, там, где все условия нормативности прощения соблюдены, оно практически неотличимо от извинения.

Извинить может каждый, кто способен понять и (или) оправдать чужой проступок. Для этого не требуется принесения извинений, и не

имеет особого значения, совершался ли извиняемый проступок исключительно против того, кто извиняет. В случае прощения, адресатом покаяния или просьбы может быть исключительно жертва. Но там, где необходимость сохранения социального порядка является основополагающей, полномочия прощать «сковываются» внешними запретами и требованиями.

Когда речь заходит о нормативном прощении, где в рассмотрении возможности дать прощение перед обществом стоит задача не допустить нового (прощение «вопреки») и повторного нарушения социального порядка (что в то же время представляло бы собой и акт социальной дифференциации), власть прощать становится «бессмысленной». По этой причине на публичном уровне власть прощать обречена быть подвешенной между верховным помилованием (официальным оправданием) и личной способностью понять/извинить.

На индивидуальном уровне власть прощать существует вне сферы официальных взаимоотношений, а потому «двойственна». С одной стороны, она принадлежит жертвам, то есть обязательно требуется существование того, кто непосредственно пострадал от деяния, как и того, кто совершил неизвиняемый поступок, и их прямого отношения друг к другу. С другой стороны, власть прощать «эгоистична», поскольку, обращаясь к прощаемому (напрямую), прощающий может не брать в расчёт те факторы, на соблюдении которых настаивает второе условие нормативности.

Даже если акт прощения будет «секретным», возможно обнаружить «явное» социально-дифференцирующее воздействие. Последнее состоит в темпоральном влиянии и в изменении взаимоотношений между членами той общности, для которой произошедшее представляется значимым.

В акте прощения, независимо от того, является ли это прощение нормативным или анормативным, происходит различение субъектов прощения и деструкция социальной неопределённости, что было показано на примере описанного П. Леви феномена «серой зоны».

«Серую зону» с точки зрения человека, никак в неё не вовлечённого, можно назвать центром сосредоточения абсолютного непростительного. «Постороннему», который хотел бы что-либо узнать о ней, остаётся лишь доверять свидетельствам её участников: именно участник, а не кто-либо другой, является началом любой возможной этической оценки произошедшего, то есть разрушения радикального иного способа бытия внутри «серой зоны». Как только

произошедшее подпадает под категории «простительно / непростительно», оно уже подвластно этической и правовой оценке, социальная неопределённость разрушается.

Таким образом, актом прощения обеспечивается прерывность и обновление текущего социального процесса, открываются иные возможности создания мирных отношений. Следовательно, о власти прощать мы можем говорить как о факторе, обеспечивающем различие, дифференцирование социальности.

Третий параграф второй главы, «Прощение и примирение: параллели и перспективы» посвящён исследованию того, как осуществляются акты прощения на коллективном уровне, и оказывает ли имеющийся «коллективный опыт прощения» влияние на индивидуальные акты прощения. На основании рассмотренного опыта прощения представляются возможности и перспективы для взаимодействия дифференцирующих актов прощения и всеобщего примирения.

Прощение может быть представлено как опыт установления и восстановления мирных отношений с прощаемым. Но опыт восстановления отношений предполагает, что прощение и примирение в этом случае оказываются слитыми воедино. Это означает, что опыт прощения (примирения) является этапом развития отношений, прерванных или нарушенных по каким-либо причинам.

Обусловленное внешней причиной примирение является адекватным ответом по отношению к изначально предъявляемым требованиям или ожидаемым результатам, в его основе может лежать извинение, или даже обмен извинениями. В таком случае, для восстановления отношений требуется признание своей вины или объяснение своего поступка. В то же время примирение предстаёт и положительным итогом извинения, то есть показателем его эффективности. Однако одним из этапов примирения может выступать и прощение.

В том случае, когда речь идёт о неизвиняемом поступке, вне прощения как нормативного, так и анормативного, восстановление отношений до прежнего уровня, как правило, оказывается недостижимым. Это происходит по той причине, что даже если, формально, примирение заключено на иных условиях, социальный разрыв, разделяющий стороны, остаётся, и восстанавливаются лишь необходимые аспекты взаимодействия.

На уровне межличностного взаимодействия это достаточно трудное частичное примирение приводит либо к постепенному

стиранию через забвение, например, чувства обиды, негодования и тем самым – к нормализации отношений или, наоборот, к полному их прекращению.

На коллективном уровне осуществление примирения происходит гораздо сложнее: возникает острая конфликтная ситуация между общей политической стратегией и отношением к примирению каждого обособленного индивида, чьи интересы в действительности не затрагиваются. Поэтому частичное примирение может привести к негативным последствиям, а именно, не только к возрастанию старых противоречий, но и появлению новых внутри примиряющейся стороны. Таким образом, примирение без прощения предстаёт как процесс крайне сложный и даже социально опасный.

В диссертации формулируется обобщённый концепт «прощения-примирения» представленный как процесс урегулирования острых социальных конфликтов и восстановления отношений, протекающий и на межличностном, и на коллективном уровне. Именно в «обобщённой форме» прощения-примирения реализуется предрекаемое когда-то Х. Арендт наделение прощения реальным политическим действенным потенциалом.

Особенностью политического функционирования прощения-примирения предстаёт его как таковая неявленность, не позволяющая превратить «плюрализм прощения» или «множественность примирения» в правовую норму, оно избегает любого узаконивания.

Суверенная власть прощать и обусловленное стремление к восстановлению отношений, причудливо переплетаясь и не входя в противоречия друг с другом, делают невозможным заключение прощения-примирения ни в рамки демократии (потому что суверенная власть прощать в высшей степени не демократична), ни в какую-либо авторитарную систему (власть прощать свободна от исходящих «сверху» решений). Стремление к восстановлению отношений на уровне общности и с иной общностью служит фактором, препятствующим (политической) атомизации.

Прощение-примирение, таким образом, всё более приобретает черты внеинституционального (например, выходящего за рамки реальной государственной власти) политического процесса, способного адекватно отвечать стоящим перед обществом разноаспектным проблемам.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и перспективы дальнейшего изучения предмета исследования. На основании имеющегося опыта прощения, как в

специальной литературе, так и на уровне индивидуальных или коллективных отношений, формируются модели «освобождения от вины», исходя из которых происходит не только интерпретация каждого конкретного акта прощения, но и определение его действенного выражения, а также социальных условий, при которых его (акта прощения) реализация является «целительной» для социального бытия.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, определенном ВАК:

1. Томильцева Д. А. Опыт прощения: социально-философский анализ // Известия Уральского государственного Университета, 2010, – №1 (73), Серия 3. Общественные науки. – С. 7-17 (0,7 п.л.).

Другие публикации:

1. Томильцева Д. А. Искажение христианской традиции прощения: свидетель и лжесвидетель // Берестень: философско - культурологический альманах, НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Новгород, 2008. – №2 – С. 297-300 (0,2 п.л.).
2. Томильцева Д. А. Извиняющееся общество // Неклассическое общество: векторы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции ВЮИ, Каф. гуманитарных дисциплин. – Владимир, 2008. – С. 226-228 (0,2 п.л.).
3. Томильцева Д. А. Холокост: от непростительного к непростительному // Память о Холокосте: боль познания. Материалы международной науч.-практич. конференции, 17 мая 2007. Екатеринбург – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2007. – С. 96-99 (0,2 п.л.).
4. Томильцева Д. А. Опыт прощения. К проблеме // Материалы XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов»: 11-14 апреля 2007. – М.: Изд-во МГУ. – ТIV.– С. 95 (0,2 п.л.).
5. Томильцева Д. А. Опыт прощения как ценность // Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета 10-11 апр. 2007 года – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2007. – Т1. – С. 229-231 (0,1 п.л.).
6. Томильцева Д. А. Большие обиды // zaart, журнал создателей и потребителей искусства, 2007. – №15 – С. 93-94 (0,2 п.л.).
7. Томильцева Д. А. Неявная ритуализированность прощения // Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира, материалы всероссийской научно-практической конференции НовГУ им. Ярослава Мудрого – Новгород, 2008 – С. 339-342 (0,4 п.л.).

8. Томильцева Д. А. Утопическая идея России: примиряя множественность. – Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета 10-11 апр. 2008 года - Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2008. – Т1 – С. 160-161 (0,1 п.л.).
9. Томильцева Д. А. Прощение и социальный контекст // V Российский философский конгресс «Наука. Философия. Общество». – Новосибирск, 2009. – С. 159-160 (0,1 п.л.).
10. Томильцева Д. А. Прощение и ответственность в контексте примирения с прошлым // Экономика, социология, право, журнал научных публикаций, 2009. – №11. – С. 52-56 (0,4 п.л.).
11. Томильцева Д. А. Прощение: основания светского рассмотрения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, журнал научных публикаций, 2009. – №3. – С. 90-93 (0,3 п.л.).
12. Томильцева Д. А. Примирение и прощение: черты различности и аспекты взаимодействия // Общество различия и современная социальная онтология: материалы стола. – Екатеринбург, издательство Уральского Университета, 2009. – С. 120-131 (0,7 п.л.).

**Подписано в печать . Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 1,5
Заказ № . Тираж 100.**

**Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ»
Г.Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.**